УДК 165.4

DOI: 10.15372/PS20220304

В.В. Целищев**О РЕАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

В статье рассматривается история возникновения аналитической философии. Показано, что среди многочисленных работ, посвященных этой тематике, книга М. Поттера «Взлет аналитической философии, 1879–1930: от Фреге до Рамсея» (2019 г.) занимает особое место как в отношении оценки вклада «отцов-основателей», так и в манере преподнесения. В частности, из традиционной четверки выпал Дж. Мур, место которого занял Ф. Рамсей. Далее, традиционное описание достижений философа с последующей критикой уступило место перечню ключевых моментов в его творчестве, которые принимают вид «внутренней истории», истории поисков, находок, ошибок, упущений, непоследовательности и сомнений. Новая история в изложении Поттера дает радикально иную по сравнению с традиционной картину взлета новой философской традиции.

Ключевые слова: аналитическая философия; логицизм; Фреге; Рассел; Витгенштейн; Рамсей; история философии

V.V.Tselishchev**ABOUT THE REAL HISTORY OF THE RISE
OF ANALYTICAL PHILOSOPHY**

In the article provides an overview the history of the emergence of analytical philosophy. It is shown that among the numerous works devoted to this topic, M. Potter's book "The Rise of Analytical Philosophy 1879-1930: from Frege to Russell" (2019) occupies a special place, both in terms of assessing the contribution of the "founding fathers" and in the manner of presentation. In particular, J. fell out of the traditional four. Moore, whose place was taken by F. Ramsay. Further, the traditional description of the philosopher's achievements, followed by criticism, gave way to a list of key moments in his work, which take the form of an "internal history", the history of searches, finds, mistakes, omissions, inconsistencies and doubts of philosophers. The new story presented by Potter gives a radically different picture of the rise of a new philosophical tradition compared to the traditional one.

Keywords: analytical philosophy, logicism, Frege, Russell, Wittgenstein, Ramsey, history of philosophy

Появление новой книги о происхождении аналитической философии оказалось событием в обсуждении темы, которой посвящена обширная литература. Ниже представлены соображения о том, почему эта книга заслуживает особого внимания.

Название книги М. Поттера «Взлет аналитической философии, 1879–1930: от Фреге до Рамсея» [19] дает четкое понимание целей и позиции автора. Во-первых, это именно взлет, рождение нового типа философствования или же новой традиции. Во-вторых, «отцов-основателей»: Фреге, Рассел, Витгенштейн и Рамсей, тесно связанные исследовательскими программами, а также личными контактами. Автор не обсуждает свой выбор именно этих фигур, полагая другие кандидатуры, часто упоминаемые в литературе по истории ранней аналитической философии, источниками влияния или фоновыми фигурами в процессе кристаллизации тематики и методов.

Прежде всего, книга М. Поттера находится в русле важной тенденции растущего сопротивления ученых упрощению истории аналитической философии, которую «в течение десятилетий слишком часто отождествляли с популяризированной карикатурой на логической позитивизм и иногда рассматривали как идеологически жесткое движение, уклоняющееся о метафизики и этики (и в то же время тайно практикующее каждую из них), ограничивающее свой предмет «языком» или изучением лингвистических смыслов... Эта карикатура была отвергнута и была заполнена интересными и прощательными философскими комментариями... о границах эмпиризма и нормативности логики... каждый из которых опровергает карикатуру» [9, с. 63–64].

Тем не менее новое видение истории аналитического движения требует отхода от стандартов, рамки которых обрекают на относительную неудачу в этом предприятии. В цитированной выше книге Дж. Флойд в обширном списке литературы ею выделены две работы, претендующие на более или менее полный охват проблематики, – С. Сомса [20; 21] и П. Хакера [14], и обе она считает неудовлетворительными: «На самом деле ни одному из них не удастся использовать, оценить или передать масштабное волнение и философскую изощренность тем, которые занимали тех, кто на мой взгляд является наиболее важными исследователями ранней аналитической философии за последние двадцать пять лет» [9, с. 28–29].

Именно философскую изощренность подобного рода проявил Поттер, совершенно по-новому представив сложность и противоре-

чивость процесса рождения новой традиции. Некоторые из особенностей, делающих книгу чрезвычайно интересной, провоцирующей и по большому счету совсем необычной, имеет смысл здесь отметить.

Обычно история философских движений предполагает более или менее связное изложение соответствующих доктрин и взглядов, которые преподносятся, опять-таки, в более или менее завершенном виде. В таком виде философский взгляд мыслителя представляется в изложении его достижений и их критики как современниками, так и последующими поколениями. Примером может служить успешное описание некоторых этапов аналитической философии в книге А. Стролла «Аналитическая философия: XX век» [8], где четкость и окончательность изложения сочетаются с дидактически безупречными *pro et contra* по поводу философии Фреге, Рассела, Мура и Витгенштейна. Погружение ранней аналитической философии в контекст современного мейнстрима, проделанное Г.-Й. Глоком [1], дает широкий спектр добродетелей и пороков современной аналитической философии, унаследованных от «отцов-основателей», предполагая при этом известным, что, собственно, представляют собой их доктрины. Ничего подобного по части подробного изложения философии Фреге, Рассела, раннего Витгенштейна и Рамсея в книге Поттера не найти.

Уже оглавление книги удивляет читателя необычным подходом к анализу творчества этих философов. Первым трем уделено примерно по два десятка глав, последнему - вполтину меньше. Но каждая глава содержит ряд подразделов, напоминающих ключевые слова в аннотациях (их около двух с лишним сотен!). Именно эти слова должны напомнить, как предполагает читатель, о «достижениях» и «ошибках» философов. Но в книге Поттера нет «достижений» или «ошибок», по крайней мере в том виде, как эти аспекты любого философского творчества преподносятся со стороны. Фактически в книге излагается история поисков, находок, ошибок, упущений, непоследовательности и сомнений философов. Это, можно сказать, реконструированная Поттером «внутренняя» история без внешнего драматизма (но полная личностного творческого драматизма).

Быть может, одним из главных «грехов» стандартного изложения истории философских поисков является попытка сгладить противоречия или по крайней мере дать более или менее связную кар-

тину сделанного философом. Однако в реальности один и тот же философ часто реализует разные проекты, связь между которыми сложна и противоречива, и именно эти стороны творчества часто упускаются. Поттер намеренно дробит материал так, чтобы фрагментарность и краткость изложения разделов внутри глав вычленили «прерывистость» и обретение нового видения творчества философа. Каждый из подразделов внутри главы схватывает важную идею, вокруг которой Поттер воссоздает контекст многослойного дискурса.

Выбор ключевых фигур для своего повествования Поттер прежде всего увязывает с логикой, философией логики и философией математики. Если прибегнуть к современной риторике, то эти философы работали в рамках одной парадигмы, в атмосфере рождения новой логики и поисков оснований математики. Взлет аналитической философии объясняется ее ролью в великих интеллектуальных переменах, одну из которых историк математики Дж. Грей назвал «модернистской трансформацией» [2]. Логицизм Фреге и Рассела не сводился ограничивался узкой программой сведения математики к логике, поскольку означал коренную реформу логики, которая, в свою очередь, была теснейшим образом связана с философией. Появление новой логики означало кардинальное изменение на карте философии с появлением того, что стало называться аналитической философией. И несмотря на разницу в философском темпераменте и образе жизни, все четверо были, образно говоря, заняты «одним делом». Поттер говорит об этом так: «Чтобы объяснить мой выбор философов, было бы достаточно указать на общность их целей. Все четверо посвятили большую часть своей работы осмыслению философских проблем, которые породило открытие Фреге логики с кванторами и переменными. Как следует анализировать суждения? Каких категориальных различий между компонентами суждения требует логика? Может ли логика рассказать нам что-нибудь о структуре мира? Как можно разрешить логические парадоксы? Как логика связана с математикой? Из-за этого тематического единства имеет смысл изучать этих четырех философов вместе: невозможно понять работу Рамсея, если не знать о “трактатной” и расселловской подоплеке, которую она предполагает, и невозможно понять “Трактат”, не изучив сначала “великие работы Фреге»» [19, р. 1].

История всего предприятия, как известно, начинается с Фреге, продолжается с Расселом, а затем Витгенштейном и символически

внезапно заканчивается преждевременной смертью Рамсея, после чего принимает совсем другие очертания. Так что расположение Поттером материала как хронологически, так и концептуально отвечает реальному ходу истории становления ранней аналитической философии.

Создание современной логики Готтлобом Фреге, детали которого часто сливаются в некий единый замысел, растянувшийся на некоторое время, у Поттера показано совсем в другом ракурсе. Главы поименованы по названиям основных трудов Фреге с умышленным сохранением их немецкого «звучания»: «Begriffsschrift (I–V), Grundlagen (I–IV, Grundgesetze (I–II). Более того, изложение каждой из работ занимает несколько глав (что указано римскими цифрами). Эти работы связаны с новой логикой и основаниями математики. Поттер показывает мотивы перехода от идей одного сочинения к идеям другого, приобретения и потери в этом процессе, несообразности и противоречия. При этом не нужно думать, что Поттер просто «рассыпает» единую доктрину Фреге (будь то, например, новая идея квантификации, часто без всякого повода увязываемая с его логицизмом). А на самом деле именно в таком фрагментированном виде внезапно проявляются неожиданные связи. Как известно, «широкой публике» Фреге известен больше как автор семантических идей (в популярном изложении – «треугольника Фреге»). Некоторые философы считают, что предпринятый Фреге анализ понятия смысла, который получил известность гораздо позднее его логико-математических работ, является в некотором смысле «побочным», почти контингентным продуктом творчества Фреге. Так вот, Поттер через «фрагментированный» анализ убедительно показывает, что работа «Über Sinn und Bedeutung» (переведено как «Sense and Reference») оказывается интегральной частью всей работы Фреге. (При переводе книги на русский язык английский перевод принят для названий соответствующих глав ради сохранения единообразия.)

Тот же паттерн обнаруживается в изложении философии Рассела. Правда, здесь «фрагментарность» Поттера побивается знаменитой частой сменой взглядов Рассела. Но Поттер находит удачный способ продемонстрировать сложности, возникавшие при переходе Рассела от одной идеи к другой. А идей у того было премного (по выражению видного специалиста в области математической логики Г. Крайзеля, коллеги Рассела по Лондонскому Королевскому Обществу и автора его посмертной биографии), у раннего Рассела можно

найти все что угодно! Здесь следует помнить об одном важном обстоятельстве: хотя оба, Фреге и Рассел, внесли огромный вклад в логику и основания математики, они по своему «настрою» были философами. Это обстоятельство, часто упоминаемое математиками, звучит в их устах как упрек (например, когда речь идет о сравнении сформулированной в «Principia Mathematica» разветвленной теории типов с аксиоматической теорией множеств Цермело – Френкеля). Поттер удачно подчеркивает философский «темперамент» Рассела при усвоении им математики, посвятив отдельные главы влиянию на Рассела со стороны таких людей, как Лейбниц, Брэдди, МакТаггарт, Пеано, Мур, Уайтхед, немецкие математики.

Действительно, «стадийность» в развитии философии Рассела даже в таких точных вещах, как основания математики, подчеркивается Поттером очень отчетливо. Даже во многих книгах зачастую трудно отличить «полезный» вклад расселовской «Principles of Mathematics» от идей работы Уайтхеда и Рассела «Principia Mathematica». А вот отдельное рассмотрение Поттером трех стадий логицизма – раннего, промежуточного и позднего – демонстрирует, насколько философски мотивированными были математические поиски Рассела и насколько они были мучительными и трудоемкими.

Кстати говоря, любопытно, что в качестве главной «скрепы» в истории возникновения аналитической философии логицизм предстает в изложении Поттера не в виде единой исследовательской программы, а скорее как отправная точка согласий и разногласий в остальном философском творчестве четырех философов. Программа сведения математики к логике была провозглашена Фреге, но у Рассела был совсем другой подход к реализации этого тезиса в философии математики. Усилия Рамсея были направлены на устранение фундаментальной неудачи логицизма, связанной с отсутствием статуса логических истин у аксиом сводимости, бесконечности и мультипликативности. А вот Витгенштейн был равнодушен, если можно так сказать, к логицизму, и в этом заключается определенная ирония. Объяснение единства исследовательской программы четверки философов их личными связями оправданно лишь в случае Рассела и Витгенштейна. Фреге был знаком с Расселом по переписке, и у него никогда не было личных встреч с ним, как и с Рамсеем. Рамсей не был тесно знаком с Расселом. Зато Витгенштейн встречался с Фреге, был учеником и другом Рассела и в некотором смысле ментором Рамсея. С учетом характера Витгенштейна вряд ли его

роль в этой четверке была консолидирующей, и это бросает тень сомнения на теорию Коллинза о социологии философских групп [3].

Хотя логицизм является значимой частью философии математики, часто возникает вопрос о степени «вовлеченности» самих философов в собственно математику. Реформа логики и поиски оснований математики сливались в единый комплекс проблем, и тут сложно провести разделение, на котором настаивают некоторые математики. Так, Витгенштейна мало интересовали собственно математические вопросы, тогда как Рамсей был одаренным математиком. Фреге создавал формальный язык логики, приведший к стандартному для математиков понятию исчисления первого порядка, делая в то же время важную работу по анализу чисто философских концепций (числясь при этом на математическом факультете.) Пожалуй, суть конфликта между чисто математическим и философским (в современной понимании) лучше всего видна на примере Рассела, говоря о котором, часто принято подчеркивать (с некоторым оттенком снисходительности), что он был именно философом, а не математиком.

Такая квалификация оказывается необходимой, чтобы подчеркнуть, что в качестве оснований математики «Principia Mathematica» Рассела и Уайтхеда «проиграла» аксиоматической теории множеств Цермело. Поттер очень точен в описании обстоятельств этой истории. При этом следует добавить, что философский анализ некоторых ключевых понятий логики привел позднее к четкому разделению синтаксиса и семантики и далее к получению важнейших результатов математической логики. В работе А. Коффа [4] уже эта дальнейшая история переплетения логики, оснований математики и философского анализа представлена особенно подробно. Более того, важнейшие концепции логического следования и формального вывода в алгоритмизации мышления были эксплицированы в ходе философского анализа.

Среди них суждение и пропозиция оказались центральными. Эта пара образует очень сложную структуру, в историческом, концептуальном и терминологическом планах занимая центральное место во всей реформе логики, которую осуществляли наши философы. Нет смысла здесь даже намекать на сложные перипетии с этими понятиями, поскольку они фигурируют практически во всей книге. Но именно эти понятия увязывают поиски «отцов-основателей» аналитической философии с работой их непосредст-

венных предшественников. Речь идет прежде всего о Б. Больцано. Его реформа аристотелевской и схоластической логики, основанная на новых представлениях о роли суждения и концепции логического вывода, по мнению ряда исследователей, делает эту фигуру подлинной предтечей аналитической философии. Сказав о предшественниках, следует понимать, что сами ранние аналитические философы тоже были некоторым этапом в развитии философии логики и математики. Уже Р. Карнап, последний значимый логицист, совершает переход от синтаксиса (в который были погружены его предшественники) к семантике, в которой понятие метаязыка становится важнейшим шагом вперед. Поттер отмечает, что идея метаязыка заявила о себе в замечании Рассела в противовес витгенштейновской концепции невыразимости. И Поттер подчеркивает важность этой идеи Рассела во введении к «Трактату», вызвавшем крайнее недовольство Витгенштейна. Дальнейшее развитие метаматематики, как известно, привело к результатам, имевшим большое значение для философии логики и математики, – ограничительным теоремам Гёделя и Тарского. Что касается суждения и пропозиции, то их анализ играет важную роль в экспликации концепций логического следования и алгоритмизации мышления.

Теперь немного о стиле преподнесения автором своей истории. Поттер, как уже подчеркивалось, не драматизирует деятельность своих героев, хотя временами она того заслуживала. Например, описывая роль так называемой подстановочной теории Рассела, которая претендовала на роль альтернативы разветвленной теории типов, Г. Ландини в серии книг о Расселе [16–18] говорит о десятке тысяч черновиков (из архива Рассела), из которых становится ясно, что повсеместно критикуемая разветвленная теория типов с ее несчастной аксиомой сводимости была вынужденным выбором Рассела, который обнаружил интенциональный парадокс в предпочитаемой им подстановочной теории (фигурирующий у Поттера под названием парадокса Рассела – Майхилла).

Впрочем, намеренно сдержанный стиль Поттера особенно отчетливо виден в описании им знаменитой теории дескрипций Рассела. Он, конечно, повторяет слова Ф. Рамсея, что теория дескрипций есть «парадигма философии», но... никаких фанфар! И больше того, скорее приведена довольно подробная критика теории П. Стросоном, хотя и немного отведенная в сторону концепцией К. Доннеллана и более общим анализом С. Крипке. Вот и все про эту славную

теорию, которая занимает свое место среди более общих разговоров о концепции обозначения.

Вообще, стилю Поттера свойственна сдержанность по поводу не только собственно вклада философов в рожденную ими традицию, но устоявшихся легенд об их взаимоотношениях. Он слегка иронизирует по поводу распространенной версии о маргинальном положении Фреге в среде своих коллег (версии, которая, кстати, представлена в великолепной книге А. Доксиадиса и К. Пападимитру [12]). Поттер говорит о нескольких встречах Фреге и Витгенштейна, и о почтении второго к первому, и даже о «щедрой помощи», оказанной Витгенштейном Фреге. Хотя распространенная версия их знакомства состоит в том, что Витгенштейн был очень разочарован непониманием «Трактата» со стороны Фреге.

Поттер не делает упора на стандартной истории, по которой Рассел в период логического атомизма находился под влиянием Витгенштейна. История их взаимоотношений гораздо сложнее и имеет множество аспектов, среди которых Поттер акцентирует внимание на нескольких стадиях рождения «Логико-философского трактата» и споров Рассела и Витгенштейна, которые привели к отказу Рассела опубликовать рукопись своей «Теории познания» (лишь в 1970-х годах обнаруженную в его архивах). Хотя часть третья книги Поттера посвящена Витгенштейну, на самом деле его фигура появляется в последних главах части, посвященной Расселу. Годы 1911–1913, время совместной работы двух философов (которые Г. Ландини назвал «годами ученичества Витгенштейна у Рассела» [18]), были годами созревания идей «Трактата» в обстановке напряженных поисков, характер которых резюмируется знаменитым восклицанием Рассела: «Логика – это Ад!».

Если описание Поттером философских поисков Фреге и отчасти Рассела включает ряд произведений, отражающих различные этапы этих поисков, то часть о Витгенштейне посвящена только «Трактату». Эта единственная из книг Витгенштейна, опубликованная при его жизни, открывается у Поттера как результат целой серии ее версий, каждая из которых знаменует важные этапы в эволюции взглядов Витгенштейна. Здесь мы находим «Bodleianus», «Prototractatus», «Notes on Logic», «Notes dictated to Moore» и, наконец? сам «Tractatus Logico-Philosophicus».

Фактически метод ключевых слов, т.е. анализа ключевых концепций, в применении к части о Витгенштейне зачастую относится

к этим отдельным этапам, и, как утверждает Поттер, то, что читатели «Трактата» понимали под его основными тезисами, иногда относилось к ранним версиям этой работы. Этого не мог избежать и сам Витгенштейн, который, сохраняя «одержимую» приверженность своим ранним идеям, часто говорил именно о них.

Здесь следует сделать некоторое отступление о принятии, или, как сейчас говорят, «рецепции» «Трактата». Эта трудная работа стала, в частности, у российской читающей публики предметом настоящего культа, доходящего, как и положено до крайностей. Афористический стиль «Трактата» в глазах российского читателя является признаком особого шарма, а «таинственное» содержание афоризмов – поводом для размышлений, не имеющих никакого отношения к контексту философской программы в понимании природы логики. Так, один видный литературный критик заявляет о практике размышлений над наугад выбранным афоризмом из «Трактата», делая из него что-то вроде коана. Публика с восторгом обсуждает «долг гения», воплощенный в написании непонятных вещей, облегченных для нее биографом Витгенштейна [5]. Другими словами, в этой рецепции все сводится к полному игнорированию собственно контекста «Трактата», к обсуждению обстоятельности его рождения, генезиса идей, нашедших отражение в финальной версии. Эта особенность, свойственная не только российским поклонникам философа, не ускользнула от внимания Поттера, который назвал одну из глав «Мистическое». В другой известной книге так говорится об этой стороне философии Витгенштейна:

«Сочинения мистиков... часто являются классикой в их собственных языках. С непревзойденным красноречием мистик ведет нас этап за этапом окружным путем со своим мистическим опытом. Но когда пробивает час истины, тогда должна возникать реальная субстанция их историй, все их красноречие исчезает. Они ускользают из наших рук и говорят: “Слова ускользают от меня по этому поводу... Я должен сейчас перейти к своему мистическому опыту; желаю вам удачи в получении своего опыта”. Что-то вроде этого случилось с «Трактатом». Его финальный афоризм говорит нам, «о чем невозможно говорить, о том следует молчать, и как Витгенштейн объяснял это Фикеру в 1919 году, для него это утверждение было (или должно было быть) важным: “Моя работа состояла из двух частей: одна это то, что представлено здесь, плюс все то, что я *не* написал. Именно эта вторая часть является важной” (*Prototractatus*, p. 15) [4, с. 196–197].

Удивительно резкой предстает глава, где Поттер анализирует, как следует относиться к «Трактату» в свете объявления Витгенштейном философских утверждений бессмысленными. Но пожалуй, наиболее радикальным отступлением от обычных взглядов о «двух» (и даже больше) Витгенштейнах (периода «Трактата» и «Философских исследований») является аргументация Поттера об относительной преемственности между ними. В конце концов, говорит Поттер, сам Витгенштейн хотел, чтобы обе работы были изданы в одном томе.

Репутация Рамсея отнюдь не ограничивается философией, и видно, как Поттеру трудно удержаться в этих рамках при повествовании о преждевременно умершем гении. В этом смысле выпадает из общего строя глава 70 «Степени веры», особенно с экстравагантными тезисами вроде того, что любое решение человека есть по сути своей ставка на кону (интересно, кто является партнером по пари – Природа, Бог или маккиавеллиевская Фортуна?). С другой стороны, это некоторый намек на совсем другой образ мышления (и другие интересы), который выделяет Рамсея из представленной четверки. Что касается собственно философии, то усилия Рамсея по «упрощению» разветвленной теории и замене ее простой теорией типов освещены Поттером довольно скупой, особенно в свете последующего уподобления Куайном логик высших порядков «волку в овечьей шкуре», т.е. отождествления этих логик с теорией множеств.

Одним из «громких» деяний Рамсея является разделение парадоксов на две группы, А и В, или же, более информативно, на теоретико-множественные и семантические. Это настолько распространенная классификация, что странно было обнаружить у Поттера довольно подробные объяснения аргументации Рамсея на этот счет. Среди них фигурирует разделение проблем на чисто логические и более общие о языке; другое измерение этого деления – собственно логические проблемы и те, которые относятся к эпистемологии. Поттер указывает, что последующее развитие продемонстрировало крайне зыбкие и неопределенные границы такого деления. Как уже говорилось, Поттер пользуется очень скупыми средствами для выражения своей собственной позиции, и очередным примером является приведение в качестве рекомендуемой литературы книги Г. Приста «За пределами мысли» [7]. Прист полностью отвергает разделение парадоксов в духе Рамсея, полагая, что предпочтителен

единообразный подход к парадоксам. Здесь есть два обстоятельства, которые следует принять во внимание. Первое – это то, что книга Приста использует нестандартную концептуальную машинерию диалектизма, которая не должна была бы приниматься во внимание Поттером. Второе обстоятельство связано с объяснением упорства Рассела с разветвленной теорией типов: простая теория типов не схватывает интенциональные контексты (пропозициональные установки, вера и проч.), и при предлагаемом маневре Рамсея теряется эта самая интенциональность. Рамсей полагал, что в математике нет интенциональностей, но как показали совсем недавние исследования в связи с особенностями доказательства второй теоремы Гёделя о неполноте, они все-таки там есть (или по крайней мере они есть в метаматематике).

Вообще, несмотря на довольно распространенное мнение о влиянии Витгенштейна на Рамсея, чтение книги Поттера создает впечатление о крайне независимом характере Рамсея в делах как практических, так и научных. В частности, философия математики Рамсея явно не испытывала почтения к практике Витгенштейна обращаться к слишком элементарным примерам из области математики, в чем часто упрекают философию математики Витгенштейна.

Пожалуй, главное впечатление о книге Поттера состоит в том, что даже «бывалый» читатель литературы о ранней аналитической философии не сразу сумеет распознать в предлагаемой Поттером истории стандартные сюжеты. Акцент на «ключевых словах» на самом деле является тщательным анализом уязвимых точек в сочинениях всей четверки. Сложная концептуальная архитектура подвергается, можно сказать, дотошному и «безжалостному» разбору, который исключает какое-либо спрямление или упрощение реального хода размышлений философов. Кажется символичным, что сам жанр книги Поттера, будучи прекрасным примером анализа сложных текстов, наилучшим образом отвечает своему предмету, а именно «рождению в муках» аналитической философии.

Поэтому Поттер необычайно тщателен в отборе среди множества литературы в этом жанре того, что он считает заслуживающим внимания. Каждая глава включает раздел «Дальнейшее чтение», и уже по его тону видно, кого Поттер считает экспертами. Скупость в рекомендациях по чтению «стоящей» литературы есть только одно из проявлений предельно экономного стиля Поттера. Даже его молчание относительно некоторых вещей говорит о многом. Так,

весьма красноречивым у него выглядит отсутствие упоминания о написанной Р. Монком биографии Витгенштейна с претенциозным названием «Долг гения». Этой книги нет в окончательном списке использованной литературы. И дело не в том, что Поттер игнорировал «вторичную» литературу, потому что Монк все-таки упомянут, но уже в связи с написанной им биографией Б. Рассела: «Том 1 биографии Монка... можно рекомендовать как описание жизни Рассела до 1921 года; том 2... к сожалению, слишком неблагоприятен к своему фигуранту, чтобы быть полностью успешным». Цитата говорит сама за себя.

Чтобы у потенциального читателя не сложилось впечатления о том, что книга ввиду своей фундаментальности скучна, заметим, что Поттер временами расцвечивает ее малоизвестными фактами. Знаменитая десятичная нумерация афоризмов «Трактата», вызывающая трепет у новообращенных и приписываемая ими оригинальности Витгенштейна, на самом деле, говорит Поттер, была использована Дж. Пеано, и то для прозаической цели указания, в каком порядке следует компоновать материал в редактируемом им журнале. Другой любопытный факт заключается в заимствовании Расселом идей у А.Н. Уайтхеда из неопубликованной статьи, которое положило конец их сотрудничеству. Интересно тонкое замечание, возбуждающее любопытство («но это, видимо, не вся история»), по поводу пребывания Ф. Рамсея у психоаналитика в Вене с целью избавиться от одержимости замужней женщиной, упоминание дикого разноса Готтлобом Фреге в недопустимых (практически нецензурных) выражениях статьи своего коллеги и друга (!) и т.д. Немалое количество разбросанных по всей книге замечаний в этом духе, хотя и очень скурых, много дают для понимания происходивших событий. Решения, принимаемые философами, как показывает Поттер, имели под собой самые разнообразные мотивы, далеко не всегда чисто интеллектуального характера.

История рождения аналитической философии, подвергнутая Поттером тщательному анатомированию, - это лишь одна из историй возникновения движения. Другая история, например, рассказана М. Фридманом [10], который посчитал это новое направление результатом обособления особого стиля философствования, свободного от метафизики в духе М. Хайдеггера. Здесь контекстом была неокантианская философия, которую исповедовали Р. Карнап и М. Шлик «до Вены». И программа венских мыслителей вовсе не

замыкалась в размышлениях о природе логики (Шлик, например, просто не знал математической логики). Эта программа была скорее сайентистской, ориентированной на новую физику. И из «Трактата» венские философы взяли только то, что им было нужно [4], не принимая витгенштейновских тотального равнодушия и даже враждебности к науке. В какой степени возникновение ранней аналитической философии можно считать в этих обстоятельствах результатом того процесса, который описывает Поттер?

Поттер уже сам намекает нам на «переходные процессы», например, главами о нейтральном монизме Рассела в его работе «Анализ ума», посвященной чисто эпистемологическим вопросам, дух которых уловил Рамсей в разделении проблематики на логическую и эпистемологическую. Логический атомизм есть своего рода «эпистемологическая метафизика» (если это не является оксюмороном), фокальной точкой которой явились споры Рассела и Витгенштейна по поводу расселовской рукописи «Теория познания», а также их общий интерес к анализу солипсизма. Попытка Карнапа в его «Aufbau» сохранить баланс в солипсистском конструировании мира была наполовину неокантианской. Но уже через несколько лет он занимался логическим синтаксисом, а далее семантикой.

То, как семантика пробивала себе дорогу, можно было считать еще одной историей движения, рассказанной А. Коффа. Его книга является некоторого рода альтернативной историей по отношению к книге Поттера. Есть и другие, менее масштабные истории, некоторые из них совсем экзотического плана, как например, «Возникновение аналитической философии» М. Даммита [13], в которой отказано в праве называться аналитическим философом Расселу. Эти курьезные и не совсем курьезные случаи обсуждаются в критической работе Глока [1].

Возвращаясь к Поттеру, обратим внимание на то, что заметным является отсутствие в «заявочном листе» Дж.Э. Мура, с именем которого были связаны две важнейшие идеи стандартной истории: концептуальный анализ и здравый смысл в философии. Как и во многих других местах, Поттер неуловимо тонок: он нигде не говорит, что Мур был важен только в связи с Расселом, но при этом возникает ощущение, что поза смирения перед Витгенштейном (Витгенштейн диктует свои заметки Муру в Норвегии) не вызывает мысли о «служении» Мура философии или о чем-то вроде этого. Скорее это ближе к оценке Мура почитателем Витгенштейна, его

биографом Монком: в беседе с последней ныне живущей участницей Группы Блумсбери Монк выразил свое недоумение, что Мура считают великим философом. «В ответ она наклонилась через стол, нежно положила свою руку на мою и сказала: “Видишь ли, мой дорогой, он так прекрасно пел!”» [6, с. 90].

Так что многие вещи можно прочитать у Поттера между строк. Это становится особенно ясно из заключительных глав каждого раздела «Наследие...», где читатель интуитивно ожидает эдакого «подведения итогов». Увы, опять-таки никаких фанфар, как, впрочем, и никакого уныния. Нет смысла пересказывать Поттера, но стоит посмотреть на оценку некоторого продолжения творчества «отцов-основателей» с высоты нынешнего поколения. Дело логицизма Фреге продолжается, теперь уже под вывеской «неологицизма» с опорой на принцип Юма [15], но претензии нового варианта гораздо более скромны. Упомянутое возрождение «подстановочной теории» Рассела в работах Г. Ландини интересно, но ее конкуренция с разветвленной теорией типов является уже уделом истории. Рамсей часто упоминается как пропагандист дефляционной теории истины, но Поттер не поддерживает эту точку зрения, как и предположения о крене Рамсея в сторону прагматизма.

С Витгенштейном дело обстоит веселее. История, представленная Поттером, заканчивается «Трактатом». В настоящее время, по выражению одного философа, культ поздней философии Витгенштейна принимает угрожающие размеры. Но и здесь Поттер настаивает, что поздний Витгенштейн есть продолжение «Трактата» в гораздо большей степени, чем принято считать. А это значит, что все «непонятности» «Трактата» в существенной степени относятся и к «Философским исследованиям».

Но конечно же, оценки Поттером наследия четверки органично вписываются в его удивительно новаторский стиль исторического анализа возникновения и взлета аналитической философии. По выражению Р. Рорти, успех философии зависит от того, насколько она захватывает воображение читателя. Еще недавно, замечает он, это было с Витгенштейном и Хайдеггером, но теперь ни тот, ни другой не могут претендовать на такое внимание. Следует помнить, что Фреге, Рассел, ранний Витгенштейн и Рамсей творили в эпоху великих интеллектуальных программ вроде поисков оснований математики и были олицетворением главной тенденции в философии начала XX в. - опровержения *a priori* Канта [4]. И то, что нынешняя фи-

лософия при отсутствии таких великих программ (даже если их достижимость оказалась иллюзорной), по выражению Рорти, «находится в ожидании Годо» [11, с. 304], может быть хорошей причиной для интереса к «отцам-основателям». Но для пробуждения такого интереса нужен новый подход, и его нашел Поттер. Можно только надеяться, что история ранней аналитической философии, рассказанная Поттером, захватит воображение читателей.

Литература

1. *Глок Г.-Й.* Аналитическая философия: Как она есть / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2022.
2. *Грей Дж.* Призрак Платона: модернистская трансформация математики / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2021.
3. *Коллинз Р.* Социология философий / Пер. с англ. Розова Н.С., Вертгейм Ю.Б.. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
4. *Коффа А.* Семантическая традиция от Канта до Карнапа / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2019. С. 196–197.
5. *Монк Р.* Людвиг Витгенштейн: Долг гения / Пер. с англ. А. Васильевой. М.: ИД «Дело», 2018.
6. *Монк Р.* Дж.И. Мур // Целищев В.В. Философский раскол: логика vs метафизика. М.: Канон+, 2021.
7. *Пруст Г.* За пределами мысли / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+ 2022.
8. *Стролл А.* Аналитическая философия: двадцатый век / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2020.
9. *Флойд Дж.* Недавние темы в истории ранней аналитической философии / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2022.
10. *Фридман М.* Философия на распутье: Карнап, Кассирер, Хайдеггер / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2021.
11. *Целищева О.И.* Ричард Рорти: Маргинальный аналитический философ. М.: Канон+, 2021.
12. *Doxiadis A., Papadimitrou C.* Logicomix. N.Y.: Blumsbury, 2009.
13. *Dummett M.* Origins of Analytical Philosophy. Cambridge: Harvard University Press, 1993.
14. *Hacker P.* Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy. Cambridge: Blackwell, 1996.
15. *Hale B., Wright C.* The Reason's Proper Study: Essays Towards a Neo-Fregean Philosophy of Mathematics. Oxford: Clarendon Press, 2001.
16. *Landini G.* Russell. Routledge, 2010.
17. *Landini G.* Russell's Hidden Substitutional Theory. Oxford University Press, 1998.
18. *Landini G.* Wittgenstein's Apprenticeship with Russell. Cambridge University Press, 2007.
19. *Potter M.* The Rise of Analytic Philosophy, 1879–1930: From Frege to Ramsey. London: Routledge, 2019.

20. *Soames S.* Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. 1: The Dawn of Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2003.

21. *Soames S.* Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. 2: The Age of Meaning. Princeton: Princeton University Press, 2005.

References

1. *Glock, H.-J.* (2022). Analiticheskaya filosofiya: kak ona est [What Is Analytic Philosophy]. Transl. from English by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).

2. *Gray, J.* (2021). Prizrak Platona: modernistskaya transformatsiya matematiki [Plato's Ghost: The Modernist Transformation of Mathematics]. Transl. from English by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).

3. *Collins, R.* (2022). Sotsiologiya filosofiy: Globalnaya teoriya intellektualnogo izmeneniya [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change]. Transl. from English by N.S. Rozov & Yu.B. Vertgeym. Novosibirsk, Sibirskiy Khronograf Publ. (In Russ.).

4. *Coffa, A.* (2019). Semanticheskaya traditsiya ot Kanta do Karnapa: K Venskomu vokzalu [The Semantic Tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station]. Transl. from English by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).

5. *Monk, R.* (2018). Lyudvig Vitgenshteyn: Dolg geniya [Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius]. Transl. from English by A. Vasilieva. Moscow, Delo Publishing House. (In Russ.).

6. *Monk, R.* (2021). G. Moore. In: Tselishchev, V.V. Filosofskiy raskol: logika vs metafizika [Philosophic Split: Logic vs Metaphysics]. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).

7. *Priest, G.* (2022). Za predelami mysli [Beyond the Limits of Thought]. Transl. from English by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).

8. *Stroll, A.* (2020). Analiticheskaya filosofiya: XX vek [Twentieth-Century Analytic Philosophy]. Transl. from English by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).

9. *Floyd, J.* (2022). Nedavnie temy v istorii ranney analiticheskoy filosofii [Recent Themes in the History of Early Analytic Philosophy]. Transl. from English by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).

10. *Friedman, M.* (2021). Filosofiya na rasputye: Karnap, Kassirer, Khaydegger [A Parting of the Ways: Carnap, Cassirer and Heidegger]. Transl. from English by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).

11. *Tselishcheva, O.I.* (2021). Richard Rorti: "marginalnyy analiticheskiy filosof" [Richard Rorty: "Marginalized Analytic Philosopher"]. Moscow, Kanon+ Publ.

12. *Doxiadis, A. & C. Papadimitrou.* (2009). Logicomix. New York, Blumsbury.

13. *Dummett, M.* (1993). Origins of Analytical Philosophy. Cambridge, Harvard University Press.

14. *Hacker, P.* (1996). Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy. Cambridge, Blackwell.

15. *Hale, B. & C. Wright.* (2001). The Reason's Proper Study: Essays Towards a Neo-Fregean Philosophy of Mathematics. Oxford, Clarendon Press.

16. *Landini, G.* (1998). Russell's Hidden Substitutional Theory. Oxford University Press.

17. *Landini, G.* (2007). Wittgenstein's Apprenticeship with Russell. Cambridge University Press.

18. *Landini, G.* (2010). Russell. Routledge.

19. *Potter, M.* (2019). *The Rise of Analytic Philosophy, 1879–1930: From Frege to Ramsey*. London, Routledge.

20. *Soames, S.* (2003). *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. 1, The Dawn of Analysis*. Princeton, Princeton University Press.

21. *Soames, S.* (2005). *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. 2, The Age of Meaning*. Princeton, Princeton University Press.

Информация об авторе

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).

leitval@gmail.com

Information about the author

Tselishchev Vitaliy Valentinovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Scientific Director at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

leitval@gmail.com

Дата поступления 12.08.2022